

Радянський суд в роки Великої Вітчизняної Війни

2005 р. Україна відзначила 60-річчя завершення Великої Вітчизняної війни — трагедії і тріумфу народів багатомільйонного Радянського Союзу. Країна зазнала величезних людських, матеріальних втрат і мабуть не знайдеш жодної родини, якої б вона не торкнулася. У висвітленні цих подій зроблено чимало. Завдяки зусиллям істориків, журналістів, письменників у наявності величезна література: тисячі монографій, документальних публікацій, мемуарів, статей, брошур, інших видань з оцінками позитивного й негативного плану, праць, надрукованих протягом війни і повоєнні роки в різних куточках країни. На жаль, досягти точного, історично правдивого відображення найскладніших процесів пережитого народами СРСР до цього часу не вдалося.

Друга світова війна втягла в свою орбіту тією чи іншою мірою десятки країн світу. Криваві наслідки фашистського хозяйнування особливо відчули народи, які тимчасово опинилися під владою окупантів. Проте й у радянському тилу найменший відступ від утверджуваних роками устоїв так званого “соціалістичного суспільства” придушився у зародку. Життя людей перебувало під невпинним оком партійних, радянських, превоохоронних органів.

Пропонована публікація дає можливість познайомитися з невеликою часткою громадського життя у роки війни — судовою практикою з проблем антирадянської агітації. Документ, який публікується з деякими скороченнями, був підготовлений наприкінці 1941 р., підписаний головою Верховного суду СРСР І. Голяковим. Нам вдалося скористатися лише його частиною (з 47 сторінок у нашому розпорядженні було лише 29), але й вони дають наочне уявлення про дії судів.

Визнаючи, що антирадянська агітація в умовах воєнного часу є “однією із злісних форм дезорганізації радянського тилу”, що війна це фактор, який активізував класово-ворожі елементи в країні, автори змушено визнавали, що буде неправильним думати, що подібні “злочини” завжди розраховані на свідоме діяння в контрреволюційних цілях. “Судова практика свідчить, що в ряді випадків антирадянські висловлювання позбавлені цілі і характера агітації, тобто прагнення впливу на слухачів”, — відмічалось у документі.

В огляді не обминаються проблеми репресій щодо військових кадрів напередодні війни, наслідків колективізації, економічної, національної, зовнішньої політики, зокрема договору про ненапад з Німеччиною, повоєнний стан Радянського Союзу тощо.

Проаналізувавши результати судової практики перших місяців війни, автори підкреслили, що деякі суди ще відчували настрої мирного часу, тому виносили м'які міри покарання. Незабаром ситуація змінилася: “... Невдовзі (суди) зайняли тверду лінію в галузі каральної політики по справах про антирадянську агітацію. ... Намітився, однак, недолік зворотного порядку — прагнення до максимального підвищення міри покарання незалежно від конкретних обставин, від індивідуальних особливостей кожної справи. У практиці деяких судів встановився своєрідний штамп: застосування по справах про антирадянську агітацію в умовах воєнного часу, як правило, розстрілу або, в кращому випадку, 10 років позбавлення волі”.

Наводячи численні приклади необґрунтованого завищення строків покарання, звинувачуваних у контрреволюційній агітації, а також положення Указу Президії Верховної Ради СРСР від 6 липня 1941 р., автори змушено визнавали їх суворість, необ'єктивність судів під час розгляду справ. “... Судові органи, — читаємо в огляді, — при визначенні кваліфікації злочину керуються тільки зовнішніми виявами дій звинувачуваних без достатньо глибокого

аналізу дійсного їх змісту і спрямованості, що на практиці призводить до неправильної кваліфікації злочинів, а інколи до визнання злочинними дії, які взагалі не містять у собі складу злочину”.

Досить об’ємний за обсягом огляд складається з кількох розділів. У першому робиться спроба розкрити зміст статті 58–10 Карного кодексу та практику її застосування судами. У другому — подано загальну характеристику найбільш поширених антирадянських висловлювань в період воєнного часу, причин, які їх породжували. Серед них, на думку авторів, намагання підірвати впевненість у могутності та силі радянської влади у зв’язку з відступом Червоної Армії на першому етапі війни, твердження про арешти її кращих командирських кадрів, захоплення ворогом великої кількості полонених і т.д. Не обминаються економічні обставини попередньої політики: наслідки колективізації, арештів тисяч невинних трудівників міста й села. Серед причин антирадянської агітації фігурують питання зовнішньої політики, в тому числі укладання договору про ненапад з Німеччиною, робиться наголос про можливі наслідки поразки у війні з ворогом, говориться про необ’єктивність деяких повідомлень Радінформбюро, інших засобів інформації.

Узагальнення авторами найбільш характерних антирадянських висловлень призвело до висновку, що вони виникають “не стихійно: не ізольовано одне від одного і можливо направляються замаскованими ворогами радянського ладу або прямими агентами фашизму. На жаль, необхідно відзначити, що наші судово-слідчі органи приділяють мало уваги цій стороні питання”.

Третій розділ огляду рясніє чисельними прикладами рішень з практики судів різного рівня при розгляді справ, пов’язаних з так званою “контрреволюційною агітацією”, аналізуються “м’які” й “суворі” вироки.

Четвертий розділ присвячений аналізу недоліків судової практики з точки зору змісту злочинів, коли за статтею

58–10 кваліфікувалися дії, які не мали в собі складу цього злочину, але суди не розмежовували антирадянську агітацію від поширення “хибних чуток”, що викликали тривогу серед населення. Між іншим, за чутки також передбачалося покарання у відповідності з Указом Президії Верховної Ради СРСР від 6-го липня 1941 р.

У п'ятому розділі розглянуто практику попереднього та судового слідства у справах з антирадянської агітації, відзначено, що вони “страждають рядом істотних недоліків” (примитивність, недостатня заглибленість у суть справи, необґрунтованість заяв свідків і т.д.).

Голова Верховного Суду СРСР І. Голяков у кінці огляду твердить: “Проводячи в основному правильну судову політику, спрямовану на вжиття суворих заходів судової репресії до осіб, які займаються антирадянською агітацією, судові органи припускаються, як вказано вище, у своїй роботі ряду серйозних недоліків, усунення яких є найпершою необхідністю судів з метою поліпшення якості своєї роботи”.

Вважаємо, що читачеві буде цікаво ознайомитися з текстом документа й оцінити його зміст.

Секретно
Минюст СССР

**Судебная практика
по делам об антисоветской агитации
в период военного времени**

1.

Антисоветская агитация в условиях военного времени является одной из злостных форм дезорганизации советского тыла. Великая отечественная война вызвала в широких массах советского наро-

да мощный подъем патриотического и трудового энтузиазма, направленного на разрешение задачи дать сокрушительный отпор фашистским захватчикам, посягнувшим на свободу и независимость нашей социалистической родины. [...]

Наряду с указанным война, вместе с тем, явилась фактором, активизировавшим классово-враждебные элементы в нашей стране. Лишенные какой бы то ни было материальной и идейной базы в толще народных масс, эти элементы, связывающие с войной свои надежды на гибель Советской власти и реставрацию капитализма в нашей стране, обращаются к антисоветской агитации, как к одной из форм антисоветской деятельности, рассчитанной на то, чтобы внести смутение в массы населения, подорвать в нем доверие к руководителям партии и правительства, поселить сомнение в правильности и целесообразности их мероприятий, поколебать уверенность в неизбежной победе над фашистским агрессором.

Было бы, однако, неправильно полагать, что преступление караемое, как антисоветская агитация, проявляется всегда в ее наиболее активной форме, рассчитанной на сознательное заведомое воздействие в к.р. целях на слушателей, среди которых антисоветская агитация проводится. Судебная практика показывает, что в ряде случаев антисоветские высказывания лишены цели и характера агитации, т.е. стремления воздействия на слушателей. В этих случаях эти высказывания являются лишь выражением личных антисоветских настроений высказывающегося, личного недовольства теми или иными мероприятиями Советской власти. В таких высказываниях часто отсутствуют даже элементы отрицательного отношения к Советской власти, как к таковой, имеется налицо лишь выра-

жение недовольства по поводу отдельных мероприятий Советской власти. Подобные действия, являясь по своему характеру и содержанию менее злостными, представляют, тем не менее, особенно в условиях войны, большую общественную опасность, поскольку они производятся публично, и независимо от воли и желания высказывающегося, могут оказать известное воздействие на неустойчивые элементы, а также могут быть использованы активными врагами Советской власти в своих контрреволюционных целях.

В связи с этим, представляется необходимым поставить вопрос о содержании состава преступления, предусмотренного ст. 58 — 10 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, а также вопрос о вине по этому виду преступлений.

Ст. 58 — 10 УК² карает за пропаганду или агитацию, "содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений". Поскольку действия, направленные к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти, образуют состав контрреволюционного преступления, содержание ст. 58 — 10 УК в указанной ее части (т.-е. в части, предусматривающей агитацию или пропаганду) может быть сформулировано, как призыв к совершению любого контрреволюционного преступления, а так как призыв является одной из форм подстрекательства, то приведенная выше формула может быть выражена, как подстрекательство к совершению контрреволюционного преступления.

Жизнь и судебная практика, однако, расширили рамки применения ст. 58 — 10 УК, тем более, что они находились в известном противоречии с общей частью УК.

По мере укрепления и упрочения советского строя, по мере роста политического самосознания широких трудящихся масс, не могли не измениться самые методы и формы антисоветской агитации.

[...] Антисоветская агитация ведется уже не в форме прямого призыва к свержению Советской власти, а в форме высказываний, направленных к дискредитации отдельных мероприятий Советской власти, к дискредитации руководителей партии и правительства, к проведению параллелей между условиями существования при Советской власти и в царское время, а также в капиталистических странах, с показом "преимуществ" капиталистической системы перед советской. Все эти высказывания преподносятся без конечных выводов, без призыва. Отдельные неполадки и трудности в области продовольствия и снабжения всячески раздуваются и представляются — как естественный результат советской системы.

Эти изменения методов борьбы классово-враждебных элементов нашли свое отражение и в судебной практике. Содержание ст. 58—10 УК не соответствовало в подавляющем числе случаев фактическому содержанию преступных действий, которые стали предметом рассмотрения судебных органов. Так как, однако, диспозиция этой статьи осталась без изменения, а в уголовные кодексы не было введено новых статей, карающих за антисоветскую агитацию без тех признаков, которые даны в статье 58—10, последняя правильно стала применяться и к новым формам антисоветской агитации.

Поэтому применение ст. 58—10 УК вышло за пределы случаев антисоветской агитации в прямом значении этого слова. Агитация предполагает высказывания, рассчитанные на побуждение слушате-

лей к тем или иным действиям или во всяком случае на то, чтобы побудить слушателя к идейной солидарности с высказываниями агитатора. По значительному количеству дел последних лет такой цели не установлено. Как уже было указано выше, имеются случаи антисоветских высказываний, лишенных характера агитации. В этих случаях также применяется ст. 58 — 10 УК. Для этого имеются все основания.

[...] В соответствии с высказанными выше положениями должен разрешиться и вопрос о вине по указанной категории преступлений. Призыв к совершению контрреволюционных преступлений предполагает действия умышленные и при этом совершенные с прямым умыслом. Что же касается антисоветских высказываний, не содержащих признаков, указанных в ст. 58 — 10, т. е. не содержащих в себе призыва к подрыву, ослаблению или свержению Советской власти, то они предполагают умысел по отношению к самому действию, т. е. к высказыванию. Этот умысел выражается в том, что всякое лицо, находящееся во вменяемом состоянии, желает произвести антисоветское высказывание и предвидит, что его высказывание будет носить антисоветский характер. Что же касается умысла, заключающегося в желании воздействовать на слушателей, то наказуемость за антисоветские высказывания наступает независимо от наличия такого умысла, как это с достаточной ясностью вытекает из приведенного выше анализа содержания этого преступления.

2.

Все высказанные выше общие положения целиком применимы и к антисоветской агитации в

условиях военного времени. Изучение судебной практики по большому количеству дел этой категории дает основание констатировать, что за период войны антисоветская агитация приобрела некоторые специфические черты в смысле самой тематики и содержания антисоветских высказываний, но, вместе с тем, эта агитация также не содержит признаков, предусмотренных ст. 58—10 УК. Это обстоятельство лишний раз свидетельствует об том, что война ни в какой степени не пошатнула крепости и прочности Советской власти в сознании широких масс. Классово-враждебные элементы перед лицом серьезной опасности, угрожающей Советской власти, учитывают морально-политическое единство советского народа и не отваживаются на прямой призыв к свержению Советской власти. Наряду с этим, однако, специфические признаки, обличающие тематику антисоветских выступлений в условиях военного времени, выражаются в стремлении подорвать уверенность в крепости и мощи Советской власти. Для этого всяческим образом использовался временный отход Красной Армии, имевший место на первом этапе отечественной войны. С этой целью трактуются с к.р. позиций источники этих неудач и "грядущие" последствия.

В качестве предпосылок, вызвавших временный отход Красной Армии, приводятся всякие контрреволюционные измышления.

В качестве такого измышления фигурирует, например, утверждение о том, что самые лучшие командирские кадры арестованы и расстреляны органами НКВД в предшествующие годы, что Красная Армия перед лицом сильного и технически оснащенного противника оказалась без квалифицированных кадров; что новые командиры при первой встрече с врагом разбежались и т.д.

Всяческим образом муссируются к.р. измышления об измене и предательстве в рядах Красной Армии. С этой целью приводятся всякие небывлицы о том, что целые полки и дивизии сдались в плен неприятелю. В этой связи, с целью дискредитации и подрыва доверия, фигурирует имя одного из маршалов Советского Союза.

С целью посеять рознь между народами Советского Союза пускаются в ход измышления, опорочивающие моральное состояние отдельных национальных кадров в составе Красной Армии. Так, например, указывается, что сибирские полки дерутся хорошо, а украинские сдаются в плен.

К этой же группе контрреволюционных измышлений, при посредстве которых "объясняются" причины имевших в прошлом место временных неудач Красной Армии, относятся измышления выражающиеся в "критике" с к.р. позиций предшествующей войне политики Советской власти.

В этой связи указывается, что Советская власть якобы своей экономической политикой и, в частности, установлением колхозного строя разорила страну, создала тяжелые материальные условия для трудящихся, вследствие чего народ не хочет воевать в пользу Советской власти. В среде заключенных, в особенности, довольно часто имеют место высказывания о том что Советская власть будто бы неосновательно арестовала и заключила в тюрьмы много невинных людей, что большинство бойцов Красной Армии якобы имеет в тылу ближайших родственников, невинно томящихся в заключении, и что у этих бойцов потерян всякий стимул к защите родины.

В качестве базы для клеветнических измышлений используется и внешняя политика Советского Союза. Под маской выражения патриотических

чувств указывается на якобы неправильное заключение договора о ненападении с Германией. В извращение политического значения этого акта Советской власти говорится, что Германия — де вытянула все ресурсы из СССР, обескровила его, а потом, воспользовавшись нашими же ресурсами, напала на Советский Союз. К наиболее зlostным высказываниям этого порядка относятся высказывания, расценивающие договор с Германией, как акт предательства со стороны отдельных руководителей правительства.

Следующая группа антисоветских высказываний выражается в форме предсказаний о последствиях войны с фашистскими захватчиками. Эти предсказания, основанные на приведенных выше клеветнических предпосылках, сводятся к утверждению о неизбежном поражении Красной Армии и ликвидации Советской власти. В этого рода высказываниях проскальзывают два оттенка. В одних случаях предсказание о ликвидации Советской власти приводится в виде констатации неизбежного факта без указания на субъективное отношение "предсказателя" к этому факту. В других, наиболее зlostных и наименее замаскированных случаях, эти высказывания приобретают ярко выраженный пораженческий характер в форме удовлетворения и радости по поводу ожидаемого поражения Советской власти. При этом среди заключенных, в частности, допускающих подобные высказывания, ожидание прихода гитлеровских войск сопровождается надеждой на освобождение их этими войсками из заключения.

Эти высказывания обычно сопровождаются вымышленными, преувеличенными сведениями об успехах немецко-фашистской армии; наряду с этим выражается недоверие к сообщениям Советского

Информбюро, по адресу которого указывается, что оно преуменьшает в своих сообщениях действительные потери Красной Армии.

Пораженческие высказывания сопровождаются в ряде случаев попытками опорочить сообщения советской прессы о зверствах немецко-фашистских захватчиков, чинимых над мирным населением во временно оккупированных районах и над пленными красноармейцами.

В связи с этим пускаются в ход утверждения о том, что немцы издеваются только над коммунистами и евреями, а по отношению к остальному населению не только не допускают никаких издевательств, но даже снабжают всем необходимым.

Таково содержание наиболее типичных антисоветских высказываний, проходящих по делам об антисоветской агитации в военное время. Как видно из изложенного, совокупность этих высказываний в их общей массе показывает значительное сходство антисоветских высказываний, отличающихся в ряде случаев только отдельными деталями. [...]

При сплошном просмотре поступивших в Верховный Суд СССР в порядке надзора дел в отношении 200 обвиняемых, осужденных различными судами за период ноябрь 1941 г. — март 1942 г. за наиболее злостную антисоветскую агитацию обнаруживаются следующие интересные данные.

Из указанных двухсот обвиняемых 115 (58 %) являются лицами, опороченными в прошлом или настоящем, а именно: 65 являются лицами, содержащимися в местах лишения свободы за совершенные в прошлом преступления, в том числе 39 — за контрреволюционные преступления; 24 являются в прошлом кулаками или торговцами, либо выходцами из семей таковых; 3 — спецпереселенцы; 23

отбывали в прошлом наказание за те или иные преступления, в том числе б — за контрреволюционные преступления.

Приведенные выше цифры, не претендующие на абсолютную точность, но все же отражающие с известным приближением социальный состав обвиняемых за антисоветскую агитацию, свидетельствуют, что свыше половины обвиняемых по этой категории дел являются лицами, антисоветские настроения которых далеко не случайны.

3.

Судебная практика показывает, что суды в основном правильно оценили значение борьбы с антисоветской агитацией в условиях военного времени и необходимость применения суровой судебной репрессии по этой категории дел. Не все, однако, суды своевременно поняли свои задачи в этой области, вытекающие из обстановки военного времени. Некоторые суды не сумели своевременно отделиться от настроений мирного времени. В частности, Верховный Суд Аз[ербайджанской] ССР в первые месяцы войны по делам об антисоветской агитации, применял небольшие сроки лишения свободы, в некоторых случаях даже без поражения в правах (дела Сак, Альтшель, Алексанян, Таросян и др.).

Подобные ошибки допускал в своей практике и б[ывший] Верховный Суд АССР Немцев Поволжья (дело Ланг и др.) и другие верховные суды. [...]

Следует отметить, что подобная недооценка необходимости суровой борьбы с антисоветской агитацией имела место лишь на первых этапах отечественной войны, и суды вскоре заняли твердую линию в области карательной политики по делам

об антисоветской агитации. В последующей же работе судов наметился, однако, недочет обратного порядка — стремление к максимальному повышению меры наказания независимо от конкретных обстоятельств, от индивидуальных особенностей каждого дела. В практике некоторых судов установился своего рода штамп: применение по делам об антисоветской агитации в условиях военного времени, как правило, расстрела или, в лучшем случае, 10 лет лишения свободы.

Основной предпосылкой, определявшей применение наказания в таких размерах, являлся формальный подход к толкованию 2 части ст. 58—10 УК. 2-я часть ст. 58—10 УК, по которой квалифицируются все случаи антисоветской агитации в условиях военного времени, отсылает к карательной санкции ст. 58—2 УК, которая в качестве основной меры наказания устанавливает расстрел, допуская при смягчающих обстоятельствах лишение свободы не ниже 3-х лет. Поскольку трудно по делу о контрреволюционном преступлении при его доказанности найти какие-либо смягчающие обстоятельства, суды, в ряде случаев из чувства самостраховки, из опасения быть обвиненными в проявлении либерализма, сочли для себя обязательным по любому делу назначать максимальные меры судебной репрессии. Суды, как и прокуратура, не учитывали при этом одного важного обстоятельства, о котором указывается в начале настоящего обзора. Это обстоятельство заключается в том, что реальное содержание в настоящее время преступных действий, по которым применяется ст. 50—10 УК, нередко значительно расходится с диспозицией этой статьи. Вполне правильно, что в условиях военного времени призыв к свержению Советской власти должен, как правило, караться расстре-

лом. Было бы, однако, неправильно, исходя исключительно из формального толкования закона, автоматически переносить максимальную санкцию ч. 2 ст. 58 – 10 УК к любому случаю антисоветских высказываний только потому, что в условиях военного времени они квалифицируются по ч. 2 ст. 58 – 10 УК.

В особенности такой формальный подход к назначению наказания является неправильным в тех случаях, когда антисоветские высказывания не представляют собою результата укоренившейся в сознании системы антисоветских взглядов и настроений, а носят случайный, эпизодический характер. В ряде случаев эти высказывания отражают отдельные затруднения или материальное неблагополучие, часто вызванное войной в жизни самого обвиняемого, который связывает их с теми или иными мероприятиями Советской власти. Нередко такие взгляды являются в значительной степени результатом неграмотности, культурной отсталости людей, не сумевших, часто в силу своего преклонного возраста, победить в своем сознании пережитков капитализма, под влиянием которых была прожита большая часть жизни.

Высказывания такого характера, представляя несомненную общественную опасность, не могут остаться безнаказанными, однако при назначении наказания нельзя не учитывать все указанные обстоятельства, не учитывать характер высказываний и личность обвиняемого, дающие основания нередко не только не применять расстрела, но и не прибегать к максимальному сроку лишения свободы. Суды в ряде случаев не считают с этим, не дифференцируют мер наказания и, таким образом, в обезличенной массе осужденных ставятся в один ряд и злостные враги Советской власти и люди,

случайно совершившие преступления или допустившие высказывания, не носившие особо злостного характера.

Ниже приводятся несколько примеров неправильного применения наказания.

19 января 1942 года Алтайским краевым судом был осужден к расстрелу Целюк, из крестьян-средняков, заявивший, что немцы издеваются только над активистами, а не над мирным населением. Целюку — 80 лет, сын его находится на фронте. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР заменила Целюку расстрел условным лишением свободы.

Здесь уместно отметить, что судебные органы при назначении наказания обычно не учитывают такого важного обстоятельства, как нахождение в действующей армии ближайших родственников осужденного, Политическая ошибочность такого игнорирования настолько ясна, что не нуждается в особых комментариях. Верховному Суду СССР в его надзорной практике пришлось неоднократно учитывать это обстоятельство при замене расстрела более мягкими мерами наказания лицам, осужденным за антисоветскую агитацию (напр. дело Охремчука, 1873 года рождения, 2 сына на фронте; дело Кудряшева, 1893 года рождения, 2 сына в Красной Армии; дело Челикова, 1884 года рождения, 2 сына в Красной Армии и др.)

В ряде случаев при назначении наказания суды не учитывают, что те или иные высказывания являются результатом не последовательной системы антисоветских настроений, а случайным эпизодом, возникшим под влиянием некоторых посторонних обстоятельств. К такого рода эпизодам относятся, в частности случаи отдельных антисоветских высказываний, допущенных в нетрезвом состоянии.

Виновными в таких высказываниях оказываются иногда мобилизованные, которые напиваются на проводах в Красную Армию. Находясь в возбужденном состоянии, они допускают отдельные антисоветские выпады против коммунистов, которые, будто-бы, отсиживаются дома и не идут на фронт, против Советской власти, которая де заставляет воевать, а ничего взамен не дает и т.д.

[...] В качестве примера можно привести дело Серебрякова, 1910 года рождения, из крестьян-бедняков, колхозник, который Челябинским облсудом был приговорен к расстрелу. В июле 1941 года, будучи мобилизован, Серебряков, находясь в нетрезвом состоянии, выражался нецензурными словами по адресу Советской власти; ранее ничего предосудительного за Серебряковым не замечалось. Верховный Суд СССР заменил Серебрякову расстрел лишением свободы и применил примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР.

Имело место неправильное, в ряде случаев, назначение наказания, когда в качестве обвиняемых проходят женщины — колхозницы, часто неграмотные. Антисоветские высказывания связаны у них обычно с теми или иными неполадками или трудностями в быту и на работе. При назначении наказания суды не учитывают культурную отсталость подсудимых и случайный характер их высказываний.

Алтайским краевым судом была осуждена к расстрелу Корнеева, работавшая в колхозе, неграмотная. По показаниям свидетелей Корнеева характеризуется, как неуравновешенная, раздражительная женщина; способная в минуты раздражения наговорить много лишнего, но, вместе с тем, незлопамятный человек, так что выкрики ее, как показали свидетели, никогда всерьез не принимались. В сен-

тябре 1941 года Корнеева работала на колхозном гумне и находясь в возбужденном состоянии по поводу того, что ей несправедливо, по ее мнению, не выдали соломы на трудодни, она допустила фразу, примерно, в том смысле, что вот придет Гитлер и расправится с коммунистами. По всем обстоятельствам дела, при учете специфических особенностей его, всей обстановки и личности обвиняемой не только не было оснований назначать ей расстрел, но можно было даже не назначать максимального срока лишения свободы.

Верховный Суд Татарской АССР приговорил к расстрелу неграмотную колхозницу Андрееву, 57 лет, которая в отдельных случаях допускала клеветнические измышления об условиях жизни в Красной Армии и восхваляла Гитлера. Несомненно, высказывания Андреевой, неграмотной старухи, не являлись результатом какой-то определенной системы политических взглядов, а были вызваны в значительной степени ее культурной и политической отсталости. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР снизила Андреевой наказание до 5 лет лишения свободы.

Таким образом, основным недочетом в практике ряда судебных органов в области карательной политики по делам об антисоветской агитации является формальный механический подход при назначении наказания, отсутствие необходимой гибкости и учета конкретных, индивидуальных особенностей каждого данного дела.

4.

Имеются недочеты в судебной практике и по вопросу о квалификации преступлений. Ошибки эти заключаются в том, что по ст. 58—10 УК ква-

лифицируются действия, не содержащие в себе состава этого преступления.

В ряде случаев суды не проводят разграничения между антисоветской агитацией и распространением ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, караемым по Указу от 06. VII. 1941 года.

Согласно этого Указа, распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, влечет за собою предусмотренное Указом наказание, если это действие по своему характеру не влечет за собою по закону более тяжкого наказания.

Из содержания Указа, таким образом, видно, что действие, объективно выраженное в распространении ложных слухов, отнюдь не во всех случаях квалифицируется по Указу и что самим Указом предусматривается возможность и даже необходимость применения в соответствующих случаях иного закона, влекущего более тяжкое наказание. Поэтому важно выяснить, в каких случаях должен применяться Указ, и в каких — иной закон, влекущий более тяжкое наказание. Несомненно, что вопрос о квалификации распространения ложных слухов по Указу или по ст. 58 — 10 УК должен решаться в зависимости от содержания и направленности распространяемых слухов: если эти слухи, по своему содержанию, направлены к дискредитации Советской власти или ее руководителей, либо к восхвалению врага, распространение их должно караться по ст. 58 — 10 УК; распространение слухов лишенных этих признаков, при отсутствии других признаков, исключающих квалификацию по Указу, которых нет надобности здесь касаться, — карается по Указу от 6 июля 1941 года.

Между тем, судебные органы склонны в ряде случаев применять ст. 58—10 УК к распространителям ложных слухов при отсутствии указанных выше признаков.

Ахметзянов, 1887 года рождения, являвшийся членом одного из колхозов Татарской АССР, работая бригадиром, заявил группе колхозников, чтобы они с семьями готовились к эвакуации, чем вызвал тревогу среди колхозников. Верховный Суд Татарской АССР квалифицировал действия Ахметзянова по ч. 2 ст. 58—10 УК, хотя по всем обстоятельствам дела действия обвиняемого подпадают под признаки Указа от 6 июля.

Инженер Шапиро среди окружающих его лиц сообщил ложные сведения о гибели некоторых кораблей на Черном море. Верховный Суд Аз[ербайджанской] ССР квалифицировал действия Шапиро по статье об антисоветской агитации (ч. 2 ст. 72 УК Аз[ербайджанской] ССР), хотя и в данном случае Шапиро должен был нести ответственность по Указу от 6.VII. [1941 г.]

В отдельных случаях суд, признавая, что подсудимый распространял ложные слухи, квалифицирует его действия как антисоветскую агитацию, руководствуясь обстоятельствами, не вытекающими из материалов дела и основанными только на предположениях.

Так, например, Кировский областной суд квалифицировал действия Петровской-Мощенко, распространявшей ложные слухи, по ст. 58—10 ч. 2 УК только по тем соображениям, что исходя из ее личности (подсудимая происходит из дворян), суд признал, что ее выступление не было случайным [...]

Аналогичный характер носит дело Батмановой, рассмотренное Верховным Судом Аз[ербайджанской] ССР. Батманова, одинокая женщина, швея,

проживая в Баку, несмотря на сделанные ей замечания, дважды не выполнила правил светомаскировки. Раздраженная неоднократными замечаниями по этому поводу, Батманова, пришедшая домой усталая после работы, на вновь последовавшее замечание, бросила следующую реплику: "Что вы боитесь Германии? Пусть Гитлер сбросит на вас бомбы, тогда вы останетесь такие же одинокие, как и я". И в данном случае эта фраза была неосновательно расценена, как пожелание победы Гитлеру, тогда как она выражала собою лишь проявление неприязненного отношения со стороны Батмановой к ее соседкам, с которыми она вступила в перебранку. Действия Батмановой, конечно, заслуживают порицания, но в них не было состава какого-либо уголовного преступления.

В качестве примера, свидетельствующего о неправильной квалификации, основанной на чисто внешней оценке, действий обвиняемого без учета внутреннего содержания и мотивов этих действий, может служить также дело Гельберга. Последний был осужден Кировским облсудом по ст. 58—10 ч. 2 УК за то, что, услышав антисоветские высказывания со стороны некоего Седова, он рассказал об этом своему знакомому Файнбергу, передав ему содержание этих антисоветских высказываний. По делу не установлено что, передавая Файнбергу содержание антисоветских высказываний Седова, Гельберг руководствовался какими-либо антисоветскими настроениями. Наоборот, из дела видно, что Гельберг донес об этих высказываниях в соответствующие органы. Самый же факт передачи слышанного разговора антисоветского содержания, если по делу не установлена солидарность передающего с содержанием этих высказываний, не может рассматриваться как антисоветская агитация.

Противоположная точка зрения приводит к нелепому выводу, что всякий разговор, в котором передаются антисоветские измышления врагов Советской власти, содержит в себе признаки антисоветской агитации, хотя бы разговор свидетельствовал об отрицательном отношении его участников к содержанию передаваемых высказываний.

Наконец, следует отметить, что суды в некоторых случаях склонны при квалификации антисоветской агитации неосновательно привлекать помимо ст. 58 — 10 также ст. 58 — 11 УК только на том основании, что антисоветская агитация имела одновременно место со стороны нескольких лиц.

Так, например, отменяя приговор Горьковского областного суда, согласно которого были осуждены по ст. 58 — 10 УК Савин, Быков и др., которые тем же приговором были вместе с тем оправданы по ст. 58 — 11 того же УК, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в качестве одного из мотивов указала на то, что суд неосновательно оправдал обвиняемых по ст. 58 — 11 УК. Подсудимым инкриминировалось, что, собираясь вместе, они занимались антисоветскими разговорами. Между тем, из материалов дела видно, что обвиняемые не составляли какой-либо контрреволюционной группы и между ними не существовало никакой организационной связи, направленной к осуществлению к.р. деятельности. Совместные преступные действия, хотя и к.р. характера, еще не дают основания для вывода о существовании контрреволюционной организации, которая предполагает сообщество людей, специально созданное для определенных к.р. целей, чего по данному делу не установлено. Применительно к ст. 58 — 10 УК, ст. 58 — 11 может быть привлечена в тех случаях, когда по делу установлено создание специального

сообщества для целей антисоветской агитации. В данном конкретном деле ст. 58 — 11 могла бы быть применена в том случае, если бы было установлено, что обвиняемые специально собирались, чтобы вести антисоветские разговоры. По делу, однако, установлено обратное положение, что сами антисоветские разговоры возникали постольку, поскольку по тем или иным посторонним причинам собиралось несколько человек. При этих условиях каждый из допускаявших антисоветские высказывания должен нести ответственность по ст. 58 — 10 УК, однако, никто из них не может отвечать по ст. 58 — 11, так как понятие организованной преступной группы предполагает не только сумму нескольких человек, совместно занимающихся преступной деятельностью, но и предварительный сговор сообщников о целях и задачах преступной группы. Суды же в ряде случаев механически подходят к определению понятия контрреволюционной группы и поэтому неосновательно применяют ст. 58 — 11 УК РСФСР и соответствующие статьи ЦК других союзных республик (дело Мальчуковского — Верховный Суд Аз[ербайджанской] ССР, дело Полтавского и Егорова — Молотовский областной суд, дело Газдарова и др. — Читинский областной суд и др.).

Таким образом, недочеты судебной практики по делам об антисоветской агитации, связанные с неправильной квалификацией вытекают из недостаточно глубокой с точки зрения закона оценки содержания действий обвиняемого, недостаточного учета обстановки и всех обстоятельств дела в их совокупности, а также из механического формального подхода к вопросу о применении к данному действию той или иной статьи УК или иного закона.

5.

Судебная практика показывает, что как предварительное, так и судебное следствие по делам об антисоветской агитации страдают рядом существенных недостатков.

К таким недостаткам необходимо, в частности, отнести некоторую примитивность и недостаточную углубленность в исследовании обстоятельств дела. Сосредоточивая свое внимание исключительно на фигуре данного обвиняемого, органы следствия и суда, как правило, не интересуются выяснением вопроса о том, не является ли обвиняемый орудием в руках третьих лиц, использующих обвиняемого в своих контрреволюционных целях. По делам о контрреволюционных преступлениях, вообще, и по делам об антисоветской агитации, в частности, выяснение этого вопроса имеет существенное значение для дела. Как было уже указано выше, сопоставление дел об антисоветской агитации свидетельствует о значительном сходстве, об определенной шаблонности содержания антисоветских высказываний. Это обстоятельство должно наталкивать на мысль о том, что кто-то со стороны выявляет классово-враждебные или недостаточно устойчивые элементы и прививает им к.р. воззрения, которые и распространяются при помощи лиц, попадающих затем на скамью подсудимых. По рассмотренным делам не видно, чтобы судебные органы проявляли интерес к выяснению вопроса об источниках к.р. агитации, в которой уличены виновные в непосредственных антисоветских высказываниях. [...]

Судебная практика показывает, что одним из основных, если не единственным видом доказательств по делам об антисоветской агитации, явля-

ются свидетельские показания. Казалось бы, что при отсутствии других возможностей проверить показания свидетелей, следовало бы с особой тщательностью отнестись к таким показаниям. Между тем, судебно-следственные органы недостаточно критически относятся к таким доказательствам и в своей практике сбиваются на теорию формальных доказательств, стремясь, главным образом, к определенному количеству свидетелей.

Между тем, свидетельские показания должны сами тщательно проверяться судом и оцениваться с большой осторожностью. Особенную опасность этот вид доказательств представляет в обстановке, в которой сами взаимоотношения подсудимого со свидетелями создают богатую почву для сведения личных счетов, дрызг, ссор и т. д. В частности, эти вопросы возникают со всей остротой по делам, по которым и в качестве обвиняемых и в качестве свидетелей выступают заключенные, или совместно проживающие в квартирах. Свидетельские показания заключенных, особенно по делам об антисоветской агитации, должны вызывать к себе максимально осторожное отношение вследствие ряда причин. Прежде всего, заключенные в силу своей общественной опасности, приведшей их на скамью подсудимых и затем в место заключения, представляют собою в большинстве случаев крайне неполноценный в морально-этическом отношении материал, часто способный на лжесвидетельство. В ряде случаев получается крайне курьезное положение, когда какой-нибудь матерый контрреволюционер, отбывающий десятилетнее заключение, выступает в роли "беспристрастного" свидетеля, уличающего своего собрата по заключению... в антисоветской агитации. Необходимо далее учесть, что заключенного может толкнуть на лжесвидетельство, особен-

но, по делам об антисоветской агитации, желание таким путем улучшить свое собственное положение и заслужить известное доверие. Наконец, необходимо иметь в виду, что в условиях места заключения часто незначительный по существу повод (раздача пайка, место на нарах, выполнение каких-либо функций в камере и т.д.) может служить основанием к возникновению острой вражды, доходящей часто до драк и стремления свести личные счеты. [...]

Проводя в основном правильную судебную политику, направленную на применение суровых мер судебной репрессии к лицам, занимающимся антисоветской агитацией, судебные органы допускают, как указано выше, в своей работе ряд серьезных недочетов, устранение которых является первой необходимостью судов в целях улучшения качества своей работы.

**Председатель
Верховного суда Союза ССР
И. Голяков.**

Державний архів Російської Федерації. – Ф. 5537,
оп. 3, спр. 2411. – Арк. 19–57.

Підготував до друку Є. М. Скляренко